

ПРОНОМИНАЛИЗАЦИЯ НЕПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена семантике и функционированию имплицитно возвратных итальянских глаголов. Исследование проведено на материале текстов XVI в. В этот период возвратный показатель может рассматриваться как маркер *инаккузативности*, впоследствии утраченный большинством глаголов по мере того, как в языке появляются устойчивые синтаксические (и морфосинтаксические) модели противопоставления непереходных глаголов по *инаккузативности* / *неэргативности*. Именно подобное прономинальное употребление непереходных глаголов (в т. ч. с группой клитик *se ne*) впоследствии могло привести к формированию конструкций «непереходный глагол + *se ne*», выполняющей в современном итальянском языке прагматическую функцию.

Ключевые слова: инаккузативная гипотеза, непереходные глаголы, возвратные глаголы, итальянский язык, история итальянского языка

Прономинальное¹ употребление непереходных глаголов в романских языках, в частности в итальянском, относительно недавно стало привлекать внимание исследователей. Возможно, это объясняется тем, что названное явление труднообъяснимо с позиций традиционной грамматики (Tesnière 1969: 274). Если, например, возвратный показатель при антикаузативных глаголах (то есть имеющих как переходное, так и непереходное употребление: ит. *alzare – alzarsi*, фр. *lever – se lever*, исп. *quebrar – quebrarse*) в рамках структурной грамматики трактуется как маркер рецессивной диатезы (Tesnière 1969: 272), то так называемые «существенно возвратные» (имплицитно возвратные, *essentiellement réfléchis, falsi riflessivi*) глаголы рассматривались как своего рода рудимент, не представляющий интереса для синтаксистов. В свете современных теорий, устанавливающих связь между семантикой и синтаксисом (в случае с возвратными глаголами – морфосинтаксисом), имплицитная возвратность

---

¹ Здесь и далее термин «прономинальные» употребляется для обозначения возвратных глаголов, хотя явление прономинализации непереходных глаголов может рассматриваться более широко, с учетом особенностей функционирования местоименных клитик *ci, ne, la* и их комбинаций, что выходит за рамки нашего исследования.

перестала рассматриваться как семантически необусловленное явление.

Пожалуй, наибольшую ясность в вопрос о происхождении и природе ингерентной возвратности внесла инаккузативная гипотеза (УН), описывающая закономерности функционирования непереходных глаголов в языках с «расщепленной непереходностью» (Perlmutter 1978, Burzio 1986, van Valin 1990; Levin & Rappaport Hovav 1995 и др.). В основе УН лежит противопоставление инаккузативных и неэргативных непереходных глаголов: субъект первых на уровне глубинной структуры схож с объектом переходных глаголов, субъект вторых – с субъектом переходных глаголов, что и предопределяет различия в морфосинтаксическом поведении подобного типа форм (выбор вспомогательного глагола, участие в синтаксических трансформациях и т. д.). Дальнейшие исследования в рамках УН привели к более гибкому пониманию оппозиции *инаккузативность / неэргативность*. Она рассматривается не как бинарное противопоставление, а скорее как градуальное – в качестве континуума, в пределах которого глаголы в зависимости от своей семантики и морфосинтаксических свойств занимают то или иное место на своеобразной шкале инаккузативности (Sorace 2000; Cennamo & Sorace 2007; Cennamo 2008). Поскольку базовым критерием для построения шкалы стал выбор вспомогательного глагола в сложных временах, она получила название Auxiliary Selection Hierarchy² (далее ASH).

УН оказалась полезной и при исследовании имплицитной возвратности в диахронии. Так, было показано, что в народной латыни и на этапе формирования романских языковых систем наблюдалась повышенная частотность непереходных глаголов в возвратной форме (“pleonastic reflexives”) (Cennamo 2000). При этом вплоть до распада падежной системы формы *se* и *sibi* проявляли отчетливую тенденцию к закреплению за неэргативными и за инаккузативными глаголами соответственно, что может рассматриваться как тенденция к грамматикализации

---

² Построение шкалы инаккузативности для тех романских языков, где в сложных временах используется один вспомогательный глагол, также возможно – на основе серии тестов, определяющих аспектуальные характеристики глаголов и закономерности их синтаксического поведения (напр., см.: Ciríaco & Cançado 2014, – на материале бразильского варианта португальского языка).

«расщепленной непереходности» через падежное противопоставление. В дальнейшем в романских языках развились иные способы выражения оппозиции *инаккузативность / неэргативность*, преимущественно синтаксические в одних языках и диалектах и морфосинтаксические – в других³.

«Освободившись» от необходимости указывать на *инаккузативность / неэргативность*, маркер возвратности оказывается, по сути, лишним, никак не нагруженным элементом при непереходных глаголах. В этой ситуации было бы логичным предположить, что он либо а) подвергнется редукции, либо б) будет задействован для выражения тех или иных семантических или прагматических категорий. В данной работе мы постараемся показать, что в истории итальянского языка на разных этапах действовали обе тенденции.

В староитальянском языке в возвратной форме нередко встречались непереходные глаголы движения, которые занимают на шкале ASH положение, максимально приближенное к *инаккузативному* полюсу (Sorace 2000). Однако это было характерно не только для данной семантической группы, но и для других. В текстах XIII–XIV вв., наряду с *venirsi*, *uscirsi* и *fuggirsi*, можно встретить возвратные глаголы изменения состояния (*morirsi*), продолжающегося состояния (*rimanersi*), неменяющегося состояния (*giacersi*, *tacersi*), неконтролируемого процесса (*dormirsi*) (Rohlf 1968: 187–188; Tekavčić 1972: § 795.4). Иными словами, представлен весь или почти весь спектр глаголов от *инаккузативного* до *неэргативного* полюса. В целом отмечается, что проминальное употребление непереходных глаголов в староитальянском языке – явление более редкое, чем употребление тех же глаголов без возвратного местоимения (Egerland & Cardinaletti 2010: 659).

Если описания староитальянского этапа истории итальянского языка, как и исследования в синхронии, опираются на репрезентативные базы данных и корпуса⁴, для более поздних эпох (XV–XIX вв.) подобного рода источники отсутствуют, что зачастую затрудняет количественную оценку распространен-

³ В зависимости от участия в образовании сложных времен одного или двух вспомогательных глаголов.

⁴ Так, «Грамматика староитальянского языка (Salvi, Renzi 2010) опирается на данные проекта OVI: <http://www.oivi.cnr.it/index.php/it/>

ности того или иного явления. Кроме того, начиная с XVI в. узус авторов, пишущих на итальянском языке, теряет даже ту относительную однородность, которая была характерна для староитальянского периода. Наряду с флорентийцами и носителями других живых диалектов Тосканы (где обнаруживаются регионально маркированные черты, не воспринятые кодифицированной нормой, см.: Жолудева 2016), по-итальянски писали жители других регионов Италии. Для них «литературный» язык не был родным, но они ориентировались и на узус образцовых авторов, и на грамматические сочинения современников, а начиная с XVII, также на данные словаря Академии делла Круска⁵. В этой ситуации функционирование прономинальных непереходных глаголов в письменном и устном узусе носителей диалектов Тосканы и уроженцев других регионов, по всей вероятности, отличалось такой же вариативностью, какая наблюдалась и при анализе других синтаксико-семантических структур (Zholudeva 2017).

Если говорить о процессах, происходивших в итальянском языке XVI в., то в наибольшей степени приближенными к живому разговорному узусу Тосканы (а значит, хотя бы отчасти отражающими изменения в итальянском морфосинтаксисе, в том числе не проникавшие в строго нормированную речь) оказываются тексты комедий⁶. В исследованных нами текстах (список источников см. в конце работы) непереходные глаголы в прономинальной форме – явление настолько частое, что это позволяет сделать некоторые предварительные наблюдения, которые мы надеемся в дальнейшем проверить на более обширном и жанрово неоднородном материале.

В небольшом корпусе, состоящем из десяти пьес XVI века, в возвратной форме встречается ряд непереходных глаголов, не

---

⁵ Что, разумеется, не исключает влияний диалектов, родных для таких «региональных» авторов.

⁶ Не менее плодотворным могло бы оказаться изучение текстов нелитературного характера (писем, свидетельских показаний и т. п.). Однако оно затруднено (а) отсутствием достаточно репрезентативных баз данных, основанных на подобных источниках, и (б) резкими различиями между узусом образованных людей, в письменной речи воспроизводящих кодифицированную норму, и полуграмотных авторов, привыкших выражать мысли на родном диалекте. При работе с подобными источниками возникают дополнительные методологические проблемы.

являющихся возвратными в современном итальянском языке: это глаголы *partirsi, apparirsi, fuggirsi, morirsi, andarsi, venire, rimanere, starsi, uscirsi, entrarsi, ritornarsi, tornarsi, irsi, scioperarsi, caccarsi, vivere, ridersi*. Большинство из этих глаголов не только тяготеют к инанкузативному полюсу ASH, но и составляют именно ту группу, которая, в рамках данной теории, является прототипически инанкузативной: это группа глаголов движения или, в терминологии А. Сораче, глаголов изменения места (change of location). Из перечисленных 17 глаголов к таковым относятся 10 (*partirsi, fuggirsi, andarsi, venire, uscirsi, entrarsi, tornarsi, irsi, ritornarsi*⁷, *caccarsi*). Следующая ступень на шкале инанкузативности – глаголы изменения состояния (change of state); к ним относятся 2 *apparirsi* и *morirsi*. Далее на шкале располагается глагол продолжающегося состояния (continuation of a pre-existing state: *rimanersi*), глаголы состояния (existence of state: *starsi, vivere, scioperarsi*), глагол неконтролируемого процесса (uncontrolled process: *ridersi*). Среди приведенных глаголов отсутствуют представители двух наиболее близких к неэргативному полюсу ступеней – глаголы контролируемого движения (controlled process: motional) и контролируемого процесса (controlled process: non-motional).

Учитывая, что глаголы продолжающегося состояния могут рассматриваться как подтип глаголов состояния (или же как переходная ступень от изменения состояния к ставшему состоянию), в расположении глаголов из нашего списка на шкале ASH (Рис. 1) можно увидеть некую закономерность. Отчетливо выделяются три ступени: ближе к инанкузативному полюсу ASH наблюдается наибольшее разнообразие глаголов (по нашим наблюдениям, они же являются самыми частотными), тогда как ближайшая к неэргативному полюсу часть шкалы пуста: примеры глаголов двух последних ступеней в списке отсутствуют. Середину шкалы занимают менее многочисленные, чем прототипически инанкузативные, глаголы прочих семантических групп.

⁷ Статус глагола *ritornare* как самостоятельной лексической единицы (а не префиксального варианта *tornare*) можно считать спорным, однако в современных словарях итальянского языка им посвящены отдельные статьи, чем мы и руководствовались при подсчете.

Рис. 1 Возвратные непереходные глаголы на шкале ASH

Как уже отмечалось, объем и состав исследованного корпуса текстов позволяют скорее наметить направление дальнейшего исследования, чем делать окончательные выводы о роли показателя возвратности у непереходных глаголов в итальянском языке XVI в. В то же время, полученные результаты позволили нам сформулировать предварительную гипотезу: распределение имплицитно возвратных глаголов, впоследствии утративших возвратность, на шкале ASH может указывать на действовавшую на определенном этапе тенденцию к превращению возвратного местоимения у непереходных глаголов в маркер инаккузативности (у прототипических неэргативных глаголов маркер нулевой). Аналогичное явление в современном испанском языке описано в работе Д. Л. Гуревича (Гуревич 2011: 76–77). В дальнейшем, в результате формирования синтаксических ограничений, которые совместно с морфологическими средствами (вспомогательные глаголы *essere / avere*) достаточно четко противопоставляют *неэргативные* и *инаккузативные* глаголы⁸, необходимость в их дополнительном противопоставлении с помощью показателя возвратности постепенно сошла на нет. Многие глаголы, встретившиеся нам в текстах XVI века в возвратной форме, утратили возвратность; одновременно в языке возникали новые синтаксико-семантические

⁸ См.: Egerland 1999; De Roberto 2012; Жолудева 2015.

модели. Та же часть непереходных глаголов (*vergognarsi*, *addormentarsi*, *pentirsi*⁹ и др.), которая продолжала использоваться в возвратной форме, приобрела статус «имплицитно возвратных». Таким образом, вновь возобладала тенденция к невозвратному употреблению непереходных глаголов, заметная еще в староитальянском языке.

Стоит также отметить тот факт, что в текстах XVI века некоторые из непереходных глаголов, наряду с возвратным местоимением, сопровождаются местоимением *ne*, на первый взгляд, семантически избыточным и не обусловленным структурно. В некоторых случаях контекст позволяет достроить гипотетическую предложную синтагму с предлогами *di / da*, кореферентную *ne: e indi, per non essere appostati, se ne vennero [di lì] a Empoli* (A. F. Grazzini “Strega” I, 2); *quando voi mi lasciasti in camera io me ne uscij [dalla camera]* (F. De Fornaris “Angelica” V, 1), однако есть и примеры, исключающие подобную интерпретацию: *Ma che indugio più ad entrarmene in casa?* (G. Bargagli “La pellegrina” I, 8). Конструкция «возвратный непереходный глагол + плеонастическое *ne*» существует и в современном итальянском языке (Masini 2012); группа клитик *se ne* способна комбинироваться с непереходными глаголами движения и состояния, причем ее использование сопряжено с дополнительными ограничениями семантического характера ([+ контроль], [+ интенциональность]). Видовую семантику таких конструкций Ф. Мазини описывает как медиальную, поскольку субъект одновременно контролирует действие и испытывает на себе его эффект. Возможно, эта конструкция является остатком «плеонастического» употребления возвратного местоимения при непереходных глаголах, чему посвящена данная работа. В таком случае речь может идти об использовании прономинальной конструкции, переставшей быть маркером иначекузативности, в качестве прагматически нагруженного показателя, особенно учитывая широко распространившуюся в современном разговорном итальянском языке тенденцию образовывать с *se* и *ne* экспрессивные фразеологические сочетания (*starsene con le mani in mano*, *starsene con la pancia all'aria*) и новые прономинальные глаголы (*infischinarsene*,

⁹ Любопытно, что большинство таких глаголов не относятся к прототипически иначекузативным.

impiparsene, fregarsene), в свою очередь образующие довольно любопытные производные (*menefreghista, chissenefrega*).

Источники

- Accademia degli Intronati “Gl’Ingannati”.
 G. Bargagli “La Pellegrina”.
 A. Calmo “Rodiana”.
 D. Giannotti “Il vecchio amoroso”.
 A.F. Grazzini “Il frate”.
 A.F. Grazzini “Strega”.
 F. De Fornaris “Angelica”.
 N. Machiavelli “Clizia”.
 N. Machiavelli “Mandragola”.
 A. Piccolomini “L’ Amor costante”.

Литература

- Burzio, L. 1986: *Italian syntax: A government-binding approach*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company.
- Cennamo, M. 2000: Patterns of ‘Active’ Syntax in Late Latin Pleonastic Reflexives. In: *Historical Linguistics 1995: Volume 1: General issues and non-Germanic Languages. Selected papers from the 12th International Conference on Historical Linguistics, Manchester, August 1995*. John Benjamins Publishing, 35–55.
- Cennamo, M., Sorace, A. 2007: Auxiliary selection and split intransitivity in Paduan. In: Aranovich, R. (ed.) *Split Auxiliary Systems: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam: John Benjamins, 65–99.
- Ciríaco, L., Cançado, M. 2004: Inacusatividade e inergatividade no PB. *Cadernos de estudos linguísticos* 46 (2), 207–225.
- De Roberto, E. 2012: Sintassi e formularità in italiano antico: il caso delle costruzioni assolute. *Romanische Forschungen* 124 (2), 147–198.
- Egerland, V. 1999: Sulla sintassi delle costruzioni assolute participiali e gerundive nell’italiano antico e il concetto di anacoluto. *Revue Romane* 34 (2), 181–204.
- Egerland, V., Cardinaletti, A. 2010: I pronomi personali e riflessivi. In: Salvi, G., Renzi, L. (ed.) *Grammatica dell’italiano antico*. Vol. I. Bologna: Mulino, 401–469.
- Gurevich, D. L. 2011: Morfema se как средство выражения внутреннего объекта у непереходных глаголов [The morpheme se as means of expressing inner object of intransitive verbs]. In: Snetkova, M. S. (ed.). *Voprosy iberoromanistiki [Issues of iberoromance philology]*. Vol. 11. Moscow: MAKС Press, 72–77.
- Гуревич Д. Л. 2011: Морфема se как средство выражения внутреннего объекта у непереходных глаголов. В сб.: Снеткова, М. С. (ред.). *Вопросы иберо-романистики*. Т. 11. Москва: МАКС Пресс, 72–77.
- Levin, B., Rappaport Hovav, M. 1995: *Unaccusativity: At the syntactical semantics interface*. Cambridge, London: MIT press.

- Masini, F. 2012: Costruzioni verbo-pronominali ‘intensive’ in italiano In: Bambini, V., Ricci, I. & Bertinetto, P. M. *Atti del XLII Congresso internazionale di studi della Società di linguistica italiana (SLI), Pisa, 25-27 settembre 2008*. Roma: Bulzoni. П.С.2 [электронная публикация]
- Perlmutter, D. M. 1978: Impersonal passives and the unaccusative hypothesis. *Annual meeting of the Berkeley Linguistics Society* 4, 157–190.
- Rohlf, G. 1968: *Historical Grammar of Italian and its Dialects. Vol. II Morfologia*. Turin: Einaudi.
- Salvi, G., Renzi, L. (ed.) 2010: *Grammatica dell’italiano antico. Vol. I*. Bologna: Mulino.
- Sorace, A. 2000: Gradients in auxiliary selection with intransitive verbs. *Language* 76 (4), 859–890.
- Tekavčić, P. 1972: *Historical Grammar of Italian. Vol. II Morphosintassi*. Bologna: Mulino.
- Tesnière, L. 1969: *Éléments de syntaxe structurale*. Paris: Librairie C. Klincksieck.
- Van Valin, R. D. 1990: Semantic Parameters of Split Intransitivity. *Language* 66 (2), 221–260.
- Zholudeva, L. I. 2015: [Structural and functional peculiarities of absolute participial and gerundial constructions in the 16th-century Italian prose]. *Drevnyaya i Novaya Romania [Old and New Romania]* 16, 89–98.
 Жолудева, Л. И. 2015: Структурные особенности абсолютных причастных и герундиальных оборотов в итальянской прозе XVI века. *Древняя и Новая Романия* 16, 89–98.
- Zholudeva, L. I. 2016: [Tuscan dialect features in the comedies by the 16th-century Italian playwrights]. *Stephanos*. Vol. 4, № 18, 105–116.
 Жолудева, Л. И. 2016: Черты диалектов Тосканы в пьесах итальянских комедиографов XVI века. *Stephanos*. Vol. 4, № 18, 105–116.
- Zholudeva L. 2017: Written and spoken Italian in the XVI century. The plurality of functional languages and its impact on standardization processes. In: Stehl, T., Hasler G. (eds.) *Kompetenz – Funktion – Variation / Competencia – Función – Variación: Linguistica Coseriana V*. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 221–230.

L. I. Zholudeva. Pronominalization of intransitive verbs in the Italian language

The article focuses on the so-called pleonastic reflexives in the Italian language. The theoretical framework of the study is constituted by the works by L. Burzio, M. Cennamo, A. Sorace, D. Gurevich and other linguists developing the UH (unaccusative hypothesis) on the Romance material in synchrony and diachrony. The study performed on the basis of a group of 16th-century texts (more precisely, pieces of comedy, the genre that conscientiously aims at representing traits of spoken language) allows to put forward the hypothesis that the ‘pleonastic’ reflexive pronoun, that has its origin in Late Latin, at a certain stage tends to mark unaccusativeness. We have singled out seventeen one-argument verbs that

are used in the reflexive form in the texts under analysis, while later on for some reason they lose the reflexive marker. Divided into the semantic groups suggested by A. Sorace (Sorace 2000) and being placed along the unaccusativeness scale according to the ASH (Auxiliary Selection Hierarchy), these verbs form a kind of descending figure. The prototypical unaccusatives (left pole of the scale) are most numerous (ten verbs), the central part of the scale is occupied by fewer verbs (three change-of-state and continuation-of-state verbs, three existence-of-state verbs, one uncontrolled process verb), and the unergative pole is empty. Our idea is, that in the following centuries, when the unaccusative / unergative opposition gradually became associated with a set of morphosyntactic features (like the (in)ability to function in certain syntactic constructions), the reflexive marker became redundant. What remained of the reflexive use of intransitive verbs in Modern Italian are a) lexicalized units where the reflexive pronoun is not associated either with diathesis or with pragmatics (inherent reflexives), and, probably, b) a pragmatically marked construction with the group of clitics *se ne* quite common in colloquial language (*starsene con le mani in mano; fregarsene*).

Keywords: intransitive verbs, unaccusative hypothesis, reflexive pronoun, pleonastic reflexive, Italian language, history of Italian.